

*Незабвенной памяти
Симона Эмиля Кнудсена II*

Питер!

*Спасибо за прекрасные мгновения.
Мне не хватает тебя*

ΠΡΟΛΟΓ

Говорят, перед смертью вся жизнь проносится перед глазами, но у меня вышло иначе.

Если честно, мне всегда казалось, что все эти истории с последним мгновением, мысленным сканированием жизни звучат довольно зловеще. Кто старое помянет, тому глаз вон, как любит повторять моя мама. Я бы, например, лучше не вспоминала весь пятый класс (эпоху очков и розовых брекетов), и разве кому-нибудь захочется пережить заново первый день в промежуточной школе? А нудные семейные вылазки, бессмысленные уроки алгебры, менструальные спазмы и слюнявые поцелуи я и в первый-то раз с трудом вытерпела...

Хотя я бы не отказалась заново пережить лучшие мгновения: когда на вечере встречи выпускников мы с Робом Кокраном впервые обжимались посреди танцпола и все видели, что мы вместе; когда в мае мы с Линдси, Элоди и Элли напились и делали «снежных ангелов»*, оставляя здоровенные отпечатки на лужайке Элли; когда на вечеринке в честь моего шестнадцатилетия мы зажгли на заднем дворе сотню греющих свечей и танцевали на столе; когда на Хеллоуин мы с Линдси подшутили над Кларой Сьюз и за нами погнались копы, а мы так хох-

---

* Чтобы получить «снежного ангела», нужно лечь спиной на снег и сдвигать и раздвигать руки и ноги. Получившийся отпечаток будет напоминать ангела в длинном одеянии и с крыльями. (Здесь и далее примечания переводчика.)

тали, что нас едва не вывернуло,— то, что я хотела бы запомнить, то, чем мне хотелось бы запомниться.

Но перед смертью я не думала о Робе или о каком-нибудь другом парне. Не думала о наших с подругами возмутительных выходках. Даже о семье не думала, или о том, как утренний свет окрашивает стены моей спальни в сливочный оттенок, или как пахнут в июле азалии за моим окном — корицей и медом.

Вместо этого я подумала о Вики Халлинан.

А именно о случае в четвертом классе, когда на физкультуре Линдси заявила перед всеми, что не возьмет Вики играть в «вышибалу». «Она слишком толстая, — вытала Линдси, — в нее можно попасть с закрытыми глазами». Тогда еще я не дружила с Линдси, но она уже выдавала чертовски забавные фразы, и я засмеялась вместе со всеми, а лицо Вики стало пурпурным, подобно изнанке грозового облака.

Вот что я вспомнила в мгновение перед смертью, когда мне полагалось узнать нечто потрясающее о своем прошлом: запах лака и скрип наших кроссовок по полированному полу; тесноту моих полиэстровых шортов; гулкое эхо в большом, пустынном спортивном зале, как будто хохотало не двадцать пять человек, а намного больше. И лицо Вики.

Странно то, что я сто лет об этом не думала. И даже не догадывалась, что такое есть в моей памяти, если вы понимаете, о чем я. Не то чтобы Вики получила психологическую травму или типа того. Дети постоянно поддевают друг друга. Невелика важность. Всегда кто-то смеется и над кем-то смеются. Это происходит каждый день, в каждой школе, в каждом американском городке — и даже, по-моему, во всем мире. Весь смысл взросления — научиться оставаться среди тех, кто смеется.

Прежде чем я упаду

На самом деле Вики была не такой уж толстой, просто у нее были по-детски пухлые щеки и животик, а перед средней школой она и вовсе похудела и выросла на три дюйма. Она даже подружилась с Линдси; они вместе играли в хоккей на траве и здоровались в коридорах. Как-то в девятом классе Вики устроила вечеринку, мы все здорово напились и хохотали что есть мочи, особенно Вики, пока ее лицо не стало почти таким же пурпурным, как много лет назад в спортивном зале.

Это была странность номер один.

Еще более странным было то, что мы только это и обсуждали — в смысле, как все будет перед смертью. Не помню, как мы перешли на эту тему, помню только, Элоди пожаловалась, что я всегда сижу рядом с водителем, и отказалась пристегнуть ремень; она перегнулась за айподом Линдси, хотя права диджея принадлежали мне. Я попыталась объяснить свою теорию предсмертных «лучших мгновений», и каждый начал предлагать подходящие варианты. Линдси, разумеется, пожелала еще раз узнать, что ее зачислили в Дьюк. Элли, которая, как обычно, жаловалась, что ей холодно, и угрожала умереть на месте от пневмонии, успела сообщить, что хочет целую вечность длить свою первую свиданку с Мэттом Уайльдом, и это никого не удивило. Линдси и Элоди курили, и через приоткрытые окна залетал ледяной дождь. Дорога была узкой и извилистой; по обе стороны деревья размахивали темными голыми ветвями, будто ветер пустил их в пляс.

Элоди поставила песню «Splinter» группы «Фэлласи», чтобы позлить Элли, возможно устав от ее нытья. Это была песня Элли с Мэттом, который бросил ее в сентябре. Элли назвала Элоди суккой, отстегнула ремень, наклонилась вперед и попыталась выхватить айпод. Линдси

Лорен Оливер

возмутилась, что кто-то ткнул ее локтем в шею; сигарета выпала у нее изо рта и приземлилась между ног. Громко ругаясь, Линдси стала смахивать пепел с подушки сиденья, Элоди и Элли дрались, а я пыталась помирить их, напоминая, как мы делали «снежных ангелов» в мае. Покрышки скользили по мокрой дороге, в автомобиле было полно сигаретного дыма, его клубы парили в салоне подобно привидениям.

А потом вдруг впереди вспыхнуло белое пламя. Линдси что-то завопила — я не разобрала слово, не то «тихо», не то «лихо», не то «ослиха», — и машина полетела с дороги прямо в черную пасть леса. Я услышала жуткий звук — скрежет железа по железу и звон стекла — и ощутила запах гари. Машина вдребезги. Я еще успела озадачиться вопросом, потушила Линдси сигарету или нет.

Затем из прошлого всплыло лицо Вики Халлинан, и вокруг закружился гулкий смех, переходящий в визг.

И после — ничего.

Понимаете, суть в том, что вы не знаете заранее. Не пробуждаетесь с дурным предчувствием. Не видите теней в ясный полдень. Забываете сказать родителям, что любите их, или, как в моем случае, вообще забываете с ними попрощаться.

Если вы похожи на меня, вы просыпаетесь за семь минут и сорок семь секунд до того, как за вами должна заехать лучшая подруга. Вы слишком переживаете, сколько роз получите в День Купидона, и потому успеваете только одеться, почистить зубы и взмолиться, чтобы косметичка оказалась на дне сумки и вы сумели накраситься в машине.

Если вы похожи на меня, ваш последний день начинается так...

ΓΛΑΒΑ 1

— Бип-бип! — кричит Линдси.

Пару недель назад моя мама наорала на нее за то, что она жмет на гудок в шесть пятьдесят пять каждое утро, и Линдси придумала этот трюк.

— Иду! — откликаюсь я, хотя она прекрасно видит, как я вываливаюсь из передней двери, одновременно натягивая куртку и запихивая в сумку скоросшиватель.

В последний момент меня ловит Иззи, моя восьмилетняя сестра.

— Что? — вихрем оборачиваюсь я.

У Иззи, как и положено младшей сестре, есть встроенный радар, с помощью которого она определяет, что я занята, опаздываю или болтаю по телефону со своим парнем. И тогда она сразу начинает меня доставать.

— Ты забыла перчатки, — сообщает она.

Вообще-то у нее получается: «Ты забыла перфятки». Она отказывается посещать логопеда и лечиться от шепелявости, хотя все одноклассники над ней смеются. Сестра утверждает, что ей нравится так говорить.

Я забираю у нее перчатки. Они кашемировые, и сестра наверняка перемазала их арахисовым маслом. Вечно она копается в банках с этой дрянью.

— Сколько можно повторять, Иззи? — Я тыкаю ее пальцем в лоб. — Не трогай мои вещи.

Она хихикает как идиотка, и я вынуждена затолкать ее в дом и закрыть дверь. Если дать ей волю, она будет таскаться за мной весь день как собачка.

Когда я наконец выметаюсь из дома, Линдси свешивается из окна Танка — это прозвище ее машины, огромного серебристого «рейнджровера». (Всякий раз, когда мы катаемся в нем, кто-нибудь обязательно произносит фразу: «Это не машина, а целый грузовик», а Линдси уверяет, что может столкнуться лоб в лоб со здоровенной фурой и не получить ни царапинки.) По-настоящему свои машины есть только у нее и у Элли. Машина Элли — миниатюрная черная «джетта», мы называем ее Крошкой. Иногда я одалживаю у мамы «аккорд»; бедняжке Элоди приходится довольствоваться старым желтовато-коричневым отцовским «фордом таурус», который уже почти не заводится.

Воздух ледяной и неподвижный. Небо светло-синее без единого пятнышка. Солнце только взошло, слабое и водянистое, как будто с трудом перевалило через горизонт и ленится умыться. Позже обещали метель, но кто знает.

Я забираюсь на пассажирское сиденье. Линдси уже курит и указывает сигаретой на кофе «Данкин донатс», купленный специально для меня.

- Рогалики? — спрашиваю я.
- На заднем сиденье.
- С кунжутом?
- Ясное дело.

Она трогается с подъездной дорожки и еще раз оглядывает меня.

- Симпатичная юбка.
- У тебя тоже.

Прежде чем я упаду

Линдси кивает, принимая комплимент. На самом деле у нас одинаковые юбки. Два раза в год мы с Линдси, Элли и Элоди нарочно одеваемся одинаково: в День Купидона и в Пижамный день на Неделе школьного духа, потому что на прошлое Рождество купили чудесные комплекты в «Виктория секрет». Мы три часа проспорили, розовые или красные наряды выбрать — Линдси терпеть не может розовый, а Элли только в нем и живет, — и наконец остановились на черных мини-юбках и топиках с красным мехом, которые откопали в распродажной корзине в «Нордстреме».

Как я уже сказала, только в эти два дня мы нарочно одеваемся одинаково. Хотя, если честно, в нашей средней школе «Томас Джефферсон» все выглядят более или менее одинаково. Официальной формы нет — это муниципальная школа, — но все равно на девяти из десяти учениках джинсы «Севен», серые кроссовки «Нью беланс», белые футболки и цветные флисовые куртки «Норт фейс». Даже парни и девушки одеваются одинаково, разве что у нас джинсы поуже и волосы мы укладываем каждый день. Это Коннектикут, здесь самое главное — не выделяться.

Я не утверждаю, что в нашей школе нет чудачков, — конечно есть, но даже они чудачковаты на один лад. Экогики ездят в школу на велосипедах, носят одежду из конопля и никогда не моют голову, как будто дреды помогают сократить выброс парниковых газов. Примадонны таскают большие бутылки лимонного чая, кутаются в шарфы даже летом и не общаются с одноклассниками, потому что «берегут голос». У членов Математической лиги всегда в десять раз больше книг, чем у остальных, они не брезгают использовать свои шкафчики и всегда насторожены, словно ждут крика «фу!».

Вообще-то мне плевать. Иногда мы с Линдси строим планы, как сбежим после выпуска и вломимся в нью-йоркский лофт, где обитает татуировщик, с которым ее сводный брат, но в глубине души мне нравится жить в Риджвью. Это успокаивает, если вы понимаете, о чем я.

Линдси водит не особо аккуратно, любит выворачивать руль, останавливаться ни с того ни с сего, а потом давить на газ. Я подаюсь вперед, пытаюсь накрасить ресницы и не выколоть себе глаз.

— Патрик пожалеет, если не пришлет мне розу,— обещает Линдси.

Она пролетает мимо одного знака остановки и чуть не ломает мне шею, резко тормозя возле следующего. Патрик — ее блудный бой-френд. С начала учебного года они рекордные тринадцать раз расстались и помирились.

— Мне пришлось сидеть рядом с Робом, пока он заполнял заявку.— Я закатываю глаза.— Прямо раб на плантации!

Мы с Робом Кокраном встречаемся с октября, но я влюбилась в него еще в шестом классе, когда он был слишком крутым, чтобы со мной общаться. Роб — моя первая любовь, по крайней мере первая настоящая любовь. В третьем классе я целовалась с Кентом Макфуллером, но это явно не считается, мы только обменялись колечками из одуванчиков и поиграли в мужа и жену.

— В прошлом году я получила двадцать две розы.— Линдси щелчком отправляет окурок в окно и наклоняется глотнуть кофе.— На этот раз должно быть двадцать пять.

Каждый год перед Днем Купидона ученический совет ставит у спортивного зала кабинку. В ней за два доллара

Прежде чем я упаду

продаются валограммы* для друзей — розы с маленькими записочками,— их затем разносят купидоны (обычно девятиклассницы или десятиклассницы, которые липнут к старшеклассникам).

— Мне хватит и пятнадцати,— замечаю я.

Очень важно, сколько роз ты получишь. По количеству цветков в руках легко определить, кто популярен, а кто нет. Плохо, если тебе досталось меньше десяти, и совсем унижительно, если меньше пяти,— обычно это значит, что ты урод или тебя никто не знает. Либо и то и другое вместе. Иногда ребята подбирают упавшие розы и добавляют в свои букеты, но это всегда заметно.

— Ну? — косится на меня Линдси.— Ты волнуешься? Большой день. Ночь открытия.— Она смеется.— Извини за каламбур.

— Ерунда.

Я пожимаю плечами, отворачиваюсь к окну и гляжу, как стекло запотеваает от дыхания.

Родители Роба уезжают на выходные, и пару недель назад он предложил мне остаться у него на всю ночь. Было ясно, что на самом деле он хочет секса. Несколько раз мы были на грани, но на заднем сиденье «БМВ» его отца, в чужом подвале или в моей берлоге, пока родители спали наверху, мне всегда становилось не по себе.

Так что когда он предложил остаться на ночь, я согласилась без размышлений.

Линдси верещит и бьет ладонью по рулю.

— Ерунда? Ты серьезно? Моя детка выросла.

— Я тебя умоляю.

---

* Валограмма — видимо, неологизм, образованный при помощи слов «Валентин» и «телеграмма».

Мою шею заливает жаром, и я догадываюсь, что кожа наверняка пошла красными пятнами. Обычное дело, когда я смущена. Никакие дерматологи, притирки и пудры не помогают. Когда я была помладше, ученики распевали: «Угадайте, что такое: красно-белое, чудное? Сэм Кингстон!»

Я едва заметно качаю головой и протираю стекло. Мир за окном сверкает, словно покрытый лаком.

— Кстати, напомни, когда вы с Патриком начали? Месяца три назад?

— Да, но с тех пор мы наверстали упущенное время,— усмехается Линдси, подскакивая на сиденье.

— Фу, перестань!

— Не волнуйся, детка. Все будет хорошо.

— Не называй меня деткой.

Это одна из причин, по которой я рада, что решила сегодня переспать с Робом: наконец-то Линдси и Элоди перестанут надо мной потешаться. Слава богу, Элли до сих пор девственница, а значит, я не буду последней. Иногда мне кажется, что в нашей четверке я вечная отстающая, вечный наблюдатель со стороны.

— Я же говорю, это ерунда.

— Тебе виднее.

Линдси заставила меня понервничать, и по дороге я пересчитала все почтовые ящики. Неужели завтра мир покажется другим? Неужели завтра я буду казаться другой? Надеюсь, что да.

Мы заезжаем за Элоди, и не успеваешь Линдси нажать на гудок, как дверь распахивается и Элоди скачет по ледяной дорожке на трехдюймовых каблуках, как будто ей не терпится сбежать из дома.

— У тебя соски от холода сквозь куртку не торчат? — спрашивает Линдси, когда Элоди забирается в машину.

Прежде чем я упаду

Как обычно, на Элоди только тонкая кожаная куртка, хотя в прогнозе погоды передавали, что температура не поднимется выше нуля.

— Что толку круто выглядеть, если этого никто не видит?

Элоди трясет сиськами, и мы покатываемся со смеху.

Когда она рядом, невольно расслабляешься; вот и у меня перестало крутить в животе.

Она щелкает рукой, и я передаю ей кофе. Мы все пьем одно и то же: большой ореховый, без сахара, двойная порция сливок.

— Смотри, куда садишься. Раздавишь рогалики, — предостерегает Линдси, хмурясь в зеркало заднего вида.

— А как насчет кусочка вот этого? — отзывается Элоди, шлепая себя по заднице, и мы снова смеемся.

— Оставь это для Пончика, похотливая сучка.

Стив Маффин — последняя жертва Элоди. Она называет его Пончиком из-за фамилии, а еще потому, что он ужасно аппетитный (это она так считает; по-моему, он слишком соленый и от него воняет травкой). Они встречаются уже полтора месяца.

Элоди из нас самая опытная. Она лишилась девственности в девятом классе и уже занималась сексом с двумя разными парнями. Именно она рассказала, что после первых двух раз у нее все болело, и я занервничала еще больше. Глупо, конечно, но я никогда не воспринимала секс как нечто физическое, от чего все может болеть, как от хоккея или верховой езды. А вдруг я совсем растеряюсь, как когда мы играли в баскетбол на физкультуре и я все время забывала, кого мне опекать, и не понимала, передавать мяч или вести?

— Ммм, Пончик. — Элоди кладет ладонь на живот. — Умираю от голода.

- Съешь рогалик,— предлагаю я.
- С кунжутом? — уточняет Элоди.
- Ясное дело,— хором отвечаем мы, и Линдси подмигивает мне.

Перед самой школой мы опускаем окна и врубаем на всю мощность «No More Drama» Мэри Джей Блайдж. Я закрываю глаза и вспоминаю вечер встречи выпускников и первый поцелуй с Робом: он притянул меня к себе на танцполе, наши губы соприкоснулись, его язык скользнул под мой, и я ощутила жар разноцветных огней, который давил на меня как ладонь, и музыка заметалась эхом меж ребер, отчего мое сердце задрожало и пропустило удар. От холодного ветра из окна болит горло, и басы сквозь подошвы проникают в тело, совсем как тем вечером, когда я думала, что большего счастья уже не бывает; они поднимаются до самой головы, отчего перед глазами все плывет и кажется, что машина вот-вот развалится от звука.

Популярность: анализ

Популярность — странная штука. Ей невозможно дать толковое определение, обсуждать ее не круто, но всегда ясно, что это именно она. Как косоглазие или порно.

Линдси — настоящая красотка, а мы с Элоди и Элли не намного симпатичнее остальных. Мои достоинства: большие зеленые глаза, ровные белые зубы, высокие скулы, длинные ноги. Мои недостатки: слишком длинный нос, кожа, которая идет пятнами, когда я нервничаю, и отсутствие задницы.

Бекки Дифиоре такая же красотка, как Линдси, но я уверена, что Бекки даже не с кем пойти на вечер встре-

Прежде чем я упаду

чи одиннадцатиклассников. У Элли большие сиськи, а я почти плоская (когда Линдси в плохом настроении, она зовет меня Сэмюел, а не Сэм или Саманта). Мы вовсе не идеальные куклы, и наше дыхание не пахнет розами, ничего такого. Как-то раз Линдси устроила в столовой соревнование с Джоной Сасноффом «Кто громче рыгнет», и все ей аплодировали. Элоди иногда надевает в школу пушистые желтые тапочки. Однажды на обществознании я так громко смеялась, что меня стошнило ванильным латте на парту Джейка Сомерса. Через месяц мы целовались с ним взасос в сарае Лили Энглер. (Мне не понравилось.)

Суть в том, что мы можем себе это позволить. Знаете почему?

Потому что мы популярны. А популярны мы потому, что нам все сходит с рук. Замкнутый круг.

Короче, я клоню к тому, что тут нечего анализировать. Если нарисовать круг, всегда будет внутренняя и внешняя часть, и если ты хоть немного соображаешь, совсем несложно отличить одну от другой. Так уж получается.

Врать не стану. Хорошо, что нам все дается легко. Приятно, когда можно натворить почти что угодно и последствий не будет. После окончания школы мы оглянемся назад и поймем, что все делали правильно: целовали самых клевых парней, посещали самые крутые вечеринки, ввязывались в неприятности ровно столько, сколько нужно, слушали слишком громкую музыку, слишком много курили, слишком много пили, слишком много смеялись и слишком мало слушались, да что там, не слушались вообще. Если бы старшие классы были игрой в покер, у нас с Линдси, Элли и Элоди было бы на руках восемьдесят процентов карт.

Поверьте, мне известно, каково быть на другой стороне. Я провела там первую половину жизни. Последняя из последних, худшая из худших. Мне известно, каково пререкаться и драться из-за обедков.

Так что теперь право выбора за мной. Ну и что? Так уж вышло.

Никто и не утверждал, что жизнь справедлива.

Мы появляемся на парковке ровно за десять минут до первого звонка. Линдси прибавляет ходу и мчится на нижнюю, учительскую парковку, распугав стайку десятиклассниц. Из-под их курток выглядывают красно-белые кружевные платица, а у одной на голове диадема — купидоны, ясное дело.

— Давай, давай, давай, — бормочет Линдси, когда мы едем за спортивным залом.

На нижней парковке есть только один ряд не для учителей, мы называем его Аллеей выпускников, хотя Линдси паркуется на нем с одиннадцатого класса. Это парковка для сливок «Томаса Джефферсона», и если упустишь место — а их всего двадцать, — придется рулить на верхнюю парковку, от которой целых двадцать две сотых мили до главного входа. Однажды мы посчитали и теперь всегда называем точное расстояние, например: «Ты серьезно хочешь топтать двадцать две сотых мили под таким дождем?»

Найдя свободное место, Линдси издает возглас и дергает руль влево. Одновременно Сара Грундель на своем коричневом «шевроле» направляется туда же с противоположной стороны.

— Черт, нет. Только не это!

Линдси давит на гудок, а потом жмет на газ, хотя слепому видно, что Сара приехала первой. Элоди охает, ко-

Прежде чем я упаду

гда горячий кофе выплескивается ей на блузку. Пронзительно визжит резина, и Сара Грундель едва успевает затормозить, чтобы «рейнджровер» Линдси не воткнулся ей в бампер.

— Отлично! — Линдси паркуется и выключает зажигание, затем открывает дверцу, выглядывает наружу и кричит Саре: — Прости, киска! Я тебя не заметила.

Конечно, это ложь.

— Супер.— Элоди вытирает кофе скомканной салфеткой «Данкин донатс». — Теперь мои сиськи весь день будут вонять орехами.

— Парням нравятся съедобные запахи, — успокаиваю я ее.— Читала в «Гламуре».

— Засунь печенье себе в трусики, и Пончик набросится на тебя, не успеешь дойти до класса, — ухмыляется Линдси, опуская зеркало заднего вида и изучая свое лицо.

— Может, Сэмми, тебе попробовать это с Робом? — Элоди со смехом бросает в меня испачканную кофе салфетку.— Что? Думала, я забыла о твоей великой ночи?

Я ловлю салфетку и швыряю обратно. Она роется в сумке, и над сиденьем взлетает помятый презерватив с табачными крошками, прилипшими к обертке. Линдси хохочет.

— Дикари! — восклицаю я, беря презерватив двумя пальцами и кидая в бардачок Линдси.

От одного прикосновения к нему я снова начинаю нервничать; низ живота крутит. Никогда не понимала, почему презервативы заворачивают в эти маленькие кусочки фольги, из-за которой они напоминают лекарства, прописываемые от аллергии или проблем с кишечником.

— Берегите любовь, — изрекает Элоди, наклоняясь и целуя меня в щеку.

На щеке остается большое пятно розового блеска для губ.

— Хватит тормозить,— говорю я и выбираюсь на улицу, пока подруги не увидели, как я краснею.

Мистер Шоу, главный тренер, стоит у спортивного зала, пока мы вылезаем из машины. Наверное, разглядывает наши задницы. Элоди считает, что он выпросил себе кабинет рядом с раздевалкой для девочек, потому что установил в туалете веб-камеру. А иначе зачем ему компьютер? Он ведь главный тренер. Теперь я вспоминаю об этом каждый раз, когда писаю в раздевалке.

— Шевелитесь, дамы,— подгоняет он нас.

А еще он тренер по хоккею. Забавно, потому что ему слабо даже до торгового автомата сбегать. Он похож на моржа, у него и усы имеются.

— Мне не хочется записывать вам опоздание.

— Мне не хочется вас шлепать,— имитирую я его странно высокий голос, еще одну причину, по которой Элоди подозревает его в педофилии.

Подруги хохочут.

— Две минуты до звонка,— резко добавляет Шоу.

Возможно, он услышал. Плевать.

— Веселой пятницы,— бормочет Линдси и берет меня под руку.

Элоди достает сотовый телефон и в его зеркальной крышке разглядывает зубы, выковыривая кунжутные семечки ногтем мизинца.

— Какой отстой,— сетует она, не поднимая глаз.

— Полный,— соглашаюсь я.

По пятницам бывает тяжелее всего: свобода так близко!

— Убей меня.

— Ни за что.— Линдси сжимает мою руку.— Я не позволю своей лучшей подруге умереть девственницей.